

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ГОВОРОВ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ СТУР-ДИГОРСКОГО ГОВОРА)

Цаллагова И. Н.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН и РСО-А, г. Владикавказ, Россия (362040, Владикавказ, Проспект Мира 10), e-mail: soigsi.ru

Формирование и стабилизация диалектной системы каждого конкретного языка является результатом длительного исторического развития данного языка и народа его носителя. Актуальность изучения процессов, протекающих в современных говорах, заключается в том, что анализ процессов такого рода даёт богатый материал для рассмотрения ряда теоретических положений. Говоры – самый удобный объект для изучения живых внутриязыковых процессов, а проблемы и методы такого аспекта изучения говоров представляют интерес, выходящий за рамки собственно диалектологии. Одной из основных задач является необходимость дифференцированного подхода к изучению процессов, протекающих на разных уровнях языковых систем современных говоров (в их фонетике, морфологии, лексике). Данная статья представляет собой краткое изложение основных фонетических, лексических, морфологических особенностей стур-дигорского говора дигорского варианта осетинского языка, анализ его разновременных фиксаций.

Ключевые слова: осетинская диалектология, дигорский вариант осетинского языка, стур-дигорский говор.

PECULIARITIES OF THE CURRENT STATE OF SUBDIALECTS OF THE DIGORIAN VARIANT OF THE OSSETIAN LANGUAGE (ON THE STUR-DIGORIAN SUBDIALECT)

Tsallagova I. N.

Federal State Budget Institution of Science North Ossetik Institut of Humanities and Social Studies after V.I. Abaev of the Vladikavkaz Sciences Centr of the Russia Sciences Academy and the Government of North Ossetia - Alania (362040, Vladikavkaz, Prospekt Mira 10), e-mail: soigsi.ru

Formation and stabilization of the dialect system of every specific language is the result of long-term historical development of the language and the people speaking this language. The relevance of studying the processes occurring in modern subdialects is that the analysis of such processes yields rich material for the consideration of a number of theoretical provisions. Subdialects are the most convenient objects for studying live intralinguistic processes, while the problems and methods of this aspect of subdialects study present the interest going beyond dialectology proper. One of the main tasks is the need for a differentiated approach to the study of processes at different levels of language systems of modern subdialects (in their phonetics, morphology, vocabulary). This article is a summary of the basic phonetic, lexical, morphological features of the Stur-Digorian subdialect of the Digorian variant of the Ossetian language, analysis of its multitemporal fixations.

Keywords: Ossetian dialectology, Digorian variant of the Ossetian language, Stur-Digorian subdialect.

Введение

В современных диалектных системах происходят определенные, обусловленные социально-экономическими и культурно-историческими факторами, процессы, характерные именно для данного этапа исторического развития того или иного языка. Технический прогресс, происходящий в современном мире, оказывает большое влияние на сферу социально-экономических и общественных отношений в деревне, а тем самым и на функционирование и развитие говоров, на характер взаимодействия их с литературным языком [6].

На сегодняшний день территориальные границы говоров осетинского языка уже не соответствуют описанной несколько десятилетий назад картине. В результате реализации

собственно языковых процессов в различных говорах и вследствие активного контактирования их носителей произошли весьма существенные изменения в фонетическом облике осетинских говоров [4]. Ввиду этого вопрос о тенденциях развития осетинских говоров представляется чрезвычайно **актуальным**.

Целью исследования является выявление тех изменений, которые произошли в стур-дигорском говоре под влиянием возросших междиалектных контактов, взаимодействия говоров и литературного языка.

Материалом исследования послужил языковой материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций. Для сбора материалов по языку исследуемых говоров использовались традиционные **методы**: непосредственное наблюдение над спонтанной диалектной речью, анкетный метод и метод опроса-интервьюирования. При анализе разновременных фиксаций исследуемого говора был использован сравнительно-сопоставительный метод.

Обсуждение результатов исследования

В ходе диалектологической экспедиции обследованию подверглись населенные пункты Ирафского района РСО-А с. Дзинага, Стур-Дигора, Къуссу, Уодола, Моска.

Как известно, для сбора диалектологического материала необходимо точное название исследуемого населенного пункта, а также его хотя бы краткая история, информация о количестве жителей (коренных и некоренных).

Селение Дзинага расположено у перекрестка двух перевалов, в 41 км к западу от с. Чикола, по правую сторону реки Караугом, в 116 км от г. Владикавказ, а от железной дороги – 78 км. Здесь живут такие фамилии, как: Тагаевы, Керчелаевы, Гобаевы, Найфоновы, Газаовы, Кужеловы, Елоевы, Костановы, Перисаевы, Ортабаевы, Хуймановы, Баграевы, Легоевы.

Стур-Дигорское поселение объединяет такие села, как: Стур-Дигора, Къуссу, Уодола, Моска. В этих селах жили более 27 фамилий: Афсановы, Бичегкуевы, Будаевы, Биазровы, Габеевы, Гетоевы, Дадтеевы, Гатдзиевы, Гобеевы, Кесаевы, Келоевы, Кодзасовы, Малиевы, Нафиевы, Озиевы, Рамоновы, Салагаевы, Темировы, Тургиевы, Туриевы, Цопановы, Хаймановы, Хамицаевы, Чегаевы и Чихтисовы [9].

Селение Стур-Дигора и другие населенные пункты данного поселения расположены к западу от с. Чикола по левому берегу реки *Стур-Дигори дон*, или *Стур-Дигори Ираф*.

Некогда густо населенные данные горные территории сейчас нельзя назвать таковыми. В с. Стур-Дигора остались жить около 30 дворов, в других селах по три, четыре двора. Как известно, основная часть людей из-за нехватки земли и тяжелых условий жизни

переселилась на равнину. В связи с этим говор жителей Стур-Дигоры потерял многие из своих черт.

Во время диалектологической экспедиции в 1955 г. в речи жителей данных населенных пунктов был выделен ряд фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей.

Следует отметить, что основное подразделение видов дигорской речи проводится по особенностям произношения звуков *c / č, žc / ž, s / š, z / ž* перед *e* и *i*, которые лежат в основе двух фонетических типов дигорских наречий – чокающе-джокающе-шокающе-жокающего и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающего [4, с.445; 7, с. 8].

Стур-дигорский говор относится к чокающе-джокающе-шокающе-жокающего типу дигорской речи.

К фонетическим особенностям данного говора можно отнести смешение гласных звуков [o] и [u], например: *ğolæg* вместо *ğulæg* "обида, неприятность, неприятный" (ср. *ğuelæg* в озрекском говоре), *sožijnae* вместо *sužijnae* "иголка" и т. д.

Во втором лице единственного и множественного числа повелительного наклонения от глагола *sæun* "идти" происходит стяжение дифтонга [æu] в гласный [o], в результате чего вместо ожидаемой формы *sæugæ* "иди" мы имеем *cogæ* и *cogæuai*. Стяжение дифтонга [æu] наблюдается и в причастиях *kogæ* вместо *kæugæ* "плачущий", *cogæ* вместо *sæugæ* "идушая", которые образовались от глаголов *kæun* "плакать" и *sæun* "идти".

В зависимости от занимаемой позиции согласные [z] [s] [c] [č] [ž] имеют разные варианты произношения. Перед гласными переднего ряда [e] [i] произносятся средне между свистящими и шипящими, например: *nesi* "ничего", *kæržin* "чурек", *æxšir* "молоко", *čigd* "сыр", *čeu* "птица", *šigit* "глина", *žing* "огонь, жар" и т.д. (Текст № 1, № 3, № 4). Во всех остальных позициях указанные согласные произносятся чисто.

В некоторых именах существительных, прилагательных, глаголах и наречиях наблюдается перебой носового согласного [m] в [n]. Там, где исторически должен быть носовой согласный [m] (сохраняющийся и в литературном осетинском языке), мы находим носовой согласный [n]. Причем он сохраняется и во множественном числе, в сложных словах, а иногда и в заимствованных словах [10], например: *xumæ*, *xungædæ* "пашня"; *bakomun*, *bakundta* "согласился"; *sunkæ* "сумка"; *dongom*, *dongon* "берег, у берега" и т.д.

Перебой согласного [m] в [n] иногда происходит только в формах множественного числа существительных. Например: *nom*, *nænttæ* "имя, имена"; *adæm*, *adæntæ* "люди, народы"; *kom*, *kænttæ* "ущелье, ущелья"; *dumæg*, *dungutæ* "курдюк, хвост"; *xumæ*, *xuntæ* "пашня, пашни"; *næmug*, *nængutæ* "зернышко, зернышки" и т.д.

А. Дз. Цагаевой отмечено существительное *xæpsæ* "лягушка", которое в данном говоре сохраняется в более древней звуковой форме. Согласно фонетическим законам, вместо согласного [p] здесь должно быть [f] т.е. *xæfsæ*.

По данным нашего исследования, в говорах Ирафского района и с. Озрек употребительна именно эта форма – *xæpsæ*. Ввиду этого, мы считаем, что данное языковое явление не является особенностью стур-дигорского говора.

В этом же исследовании отмечается переход звонкого согласного [z] в позиции перед [a] [u] [æ] в аффрикату [ʒ]. Например: *ʒæǰæ* (вместо *zæǰæ*) "скажи", *ʒaxta* (вместо *zaxta*) "сказал", *ʒaxtoncæ* (вместо *zaxtoncæ*) "сказали", *ʒæǰgæ* (вместо *zæǰgæ*) "говоря", *ʒæǰuinag* (вместо *zæǰuinag*) "то, что подлежит говорению" и т.д. (текст № 3).

В нашем исследовании данный переход не нашел своего подтверждения, более того, по словам информаторов, это явление является особенностью речи жителей с. Чикола.

В описываемом говоре иногда наблюдается переход смычно-гортанного [k̚] в заднеязычный [g], например: *ʃigit* (вместо *ʃik̚it*) "земля", *mingij* (вместо *min̚kij*) "маленький" и т.д.

Перед конечным согласным или полугласным корня в производных словах вставляется неслоговое [j]. Например: *dor* "камень" образует слово *doiron* "зверь"; от существительного *ǰæjuat* "место расположения селения" и др.

Распространенным языковым явлением в описываемом говоре является ассимиляция согласных. Например: *is-cudæj* – *issudæj* "пришел", *is-co* – *isso* "приходи", *ærlasioncæ* – *ællasioncæ* "привозили бывало", *ærlig̊dæncæ* – *ællig̊dæncæ* "прибежали, переселились" и т.д.

Следует отметить, что ассимиляция согласных характерна и для жителей других районов. Возможно, отмеченные Цагаевой А. Дз. особенности были характерны ранее только для жителей Стур-Дигоры, но в настоящее время, вследствие активного контактирования с другими селами, большинство различий стерты [7].

Большинство из вышеперечисленных черт стур-дигорского говора сейчас уже не встречаются. Однако некоторые особенности речи жителей данных населенных пунктов, отмеченные А. Дз. Цагаевой, устойчивы и на сегодняшний день.

Особенности в области фонетики наблюдаются как в системе гласных, так и согласных. Так, например, наблюдается смешение гласных [o] и [u]: *ǰolæg* вм. *ǰulæg* "обидный, неприятный" (ср. *ǰuælæg* с. Озрек), *soʒijnæ* вм. *suʒijnæ/suʒinæ* "иголка", *oǰæli* вм. *uæǰæli* "шиповник" (также имеются такие варианты произношения, как *uoǰæli*, *uæǰæli*, *uǰæli*) и др.

В некоторых словах происходит смешение свистящего согласного [s] с зубным спирантом [ç], например: *xucau* / *xusau* "бог", *xucaubon* / *xusaubon* "воскресенье" и т. д.

Однако любопытный факт использования словообразовательного элемента *-mat* *kizgamat* "что-то похожее на девушку", *čičdamat* "что-то похожее на сыр", *fiŋgamat* "что-то похожее на стол", отмеченный в исследовании, сейчас практически не встречается, или же информаторы путаются в значении данных слов (например, *kizgamat* "очень хорошая девушка", "парень с женскими повадками") (текст № 5).

Наиболее характерным явлением в области лексики в стур-дигорском говоре отмечено наличие двух, а иногда и трех слов для выражения одного и того же понятия, например: *qauŋ, fæltær* "поколение"; *gængur, æŋkuaelxæ* "ящерица", *uaz, xabar* "новость, известие"; *buræg, xelagæ* "змея"; *firton, sauvons, stavd fons, stor* "крупный рогатый скот" и т. д.

Выделяются также слова, которые встречаются только в данном говоре, например: *mæŋæuicærdæ* "сжатое из под пшеницы поле", *sabærna* "плетеная сапетка", *uxstængulzæ* "указательный палец", *mogoinæ* "кусочек квадратной доски, который вставляется между балкой и столбом для увеличения высоты помещения", *žugaræ* "тяпка", *kæsula* "салат", *furkoko* "предположительно баранчик обыкновенный" и т. д.

Термин «*fæsmækur*», как в Дигорско-русском словаре [8], так и в говорах других населённых пунктов, в которых живут дигорцы, означает «затылок», в данном же говоре мы имеем использование его и в переносном значении, в котором он обозначает еще и «заднюю часть дома». Кроме того, мы имеем вариант «*fæstægat*» или «*fæsžægat*», который образовался путём сложения «*fæs + cægat*» букв. «за/позади + север». По мнению В. И. Абаева, в основе лексемы «цæгат» лежит понятие «тыла», «тыльной стороны» [1]. Ср. с. Озрек – «*dælšera*» – букв. «нижний сарай» – небольшая пристройка к основному сараю, используемая для хозяйственных нужд.

Как известно, в дигорском диалекте для определенности имени перед ним ставится частица *i*: например: *барæг* "всадник" – и *барæг* "(*тот*) всадник" [7, с. 43]. По этому поводу В. И. Абаев пишет: "Дигорский сохранил определенный член в виде частицы *i*, употребляемый, однако, не во всех случаях, где мы вправе были бы его ожидать, а лишь спорадически, и стоящий, по-видимому, на пути к отмиранию. Иронский совершенно не знает этого артикля, и единственным свидетельством его былого существования в этом диалекте является перенос ударения со второго слога на первый для выражения определенности" [2, с. 50]. Говор Стур-Дигорцев отличается более частым употреблением данной частицы (текст № 2).

На наш взгляд, сохранение в стур-дигорском говоре частицы определенности имени *i*, которая в других говорах дигорского встречается очень редко, может свидетельствовать

лишь о большей законсервированности данного говора, которая обусловлена экстралингвистическими факторами.

Как известно, язык нации является сложным по своему строю целым, представляющим собой многостепенную систему, заключающую в себе общие и частные черты, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка. Поэтому в строе языка и диалектов различаются общие и различительные признаки [3, с.10]. На современном этапе перед нами встает вопрос об изучении диалектов в их динамике, об изучении характера их изменений в переживаемую нами эпоху, о соотношении языковых изменений с условиями экономической жизни населения, не только в отношении семантики и словаря (что казалось естественным), но также в отношении фонетики и морфологии. Самые разнообразные говоры: и связанные с территорией говоры масс, и говоры внутри культурных центров, и говоры внутри каждого населенного пункта находятся во взаимодействии, в результате чего получаются новые говоры. Это смешение диалектов находится в зависимости от взаимоотношений социально-производственных групп населения [5].

Динамический подход к изучению говоров способствует выявлению ведущих тенденций развития диалектных систем. В ходе анализа разновременных фиксаций стурдигорского говора выявлено, что многие диалектные черты, свойственные говору, сейчас уже не присутствуют. Однако многие особенности произношения устойчиво сохраняются. Это обусловлено ростом внелингвистических факторов (междиалектных и литературно-диалектных контактов).

Тексты

№ 1. *Mæ boni rada! Kud несæтæн bæžžis!*

Радость моя! Как ты ни на что не пригоден! (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№ 2. *Næuæg kinžæj min uojbærcaæ kust attæj, mæ rod eu ralæstæj. Mæ ficcag suvællonæj ænæuodbaræ ku attæn, fæstag mæjtæ ku cuttæn, uæd ġog docunmæ bacuttæn, tamæ i ġog kaj e fensunsta ma i cæf mæ qæstæbæl æruadæj, ma i suvællon mæ xurfi nimmardæj. Maj mæxuædæg ba srazu nerlædærtæn, ma minkitæbæl marttæn mæxuædæg dær.*

Когда я была новой невесткой, у меня было столько работы, что (букв.) у меня толстая кишка вылезала (в переносном значении «сильно уставала»). Когда я была беременна первым ребёнком, последние месяцы дохаживала, пошла корову подоить, корова меня толкнула, и удар пришёлся на живот, и ребёнок умер у меня внутри. А сама не сразу это поняла и чуть сама тоже не умерла (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№ 3. *Xuasæ kærðgæj eu læk xelagæ fæduuæmbesi kotta. Kæsuj imæ æma u xelagæ kaj uoči sifæ jæxebæl toxun rajditta ma isžæbæx æj. Uoj fæste eči siftæj pajda kænun rajdittoncæ adæn alli xuži nezta žæbæxgængæj. Eči lægi mukkað Dattetæj attæj ma kærðæg xonun rajdittoncæ «Dattej sifæ».*

Кося сено, один мужик змею порезал пополам. Смотрит на неё, а змея эту траву вокруг себя обматывает, залечивает себе рану. После этого случая люди стали использовать эту траву для лечения разных недугов. Фамилия этого мужика была Даттеев, и траву эту стали называть «Лист Датте» (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№ 4. *Ærgunžela næmæ razdær beræ fæzzaidæ, nurba aræx næbal æj. Ænæuoj xuærunmæ dær adgin æj, kuj basor kænaj, uætta xuærujnæk sadgin kænunmæ in arğ dær næjjes.*

Аргунзела (съедобная трава) у нас раньше росла в больших количествах, а теперь её стало мало. Так кушать, она тоже вкусная, а в сушёном виде её можно добавлять в еду. Как приправа ей цены нет (с. Уодола, Гобеева Света, 66 лет, 2011 г.).

№ 5. *Qæbær xuarz kizgæ fæxhonuncæ kizgamat.*

Про очень хорошую девушку говорят кизгамат (с. Уодола, Хортиев Борис, 81 лет, 2011 г.).

Список литературы

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л., 1989. – Т. IV. – 325 с.
2. Абаев В. И. Осетинская диалектология. – М.:Л., 1941.
3. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. – М., 1949. – 335 с.
4. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. – Владикавказ: Ир, 2006. – 463 с.
5. Каринский Н. За историзм в науке и языке // Революция и язык. – 1931. – 1. – С.33-39.
6. Лукьянова Н. А. О некоторых тенденциях развития лексики современных русских народных говоров в свете проблемы экспрессивности // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. – Новосибирск, 1984. – С.128-145.
7. Таказов Ф. М. Грамматический очерк осетинского (дигорского) языка. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2009. – 164 с.
8. Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. – Владикавказ, 2003. – 736 с.
9. Цагаева А. Дз. Некоторые особенности стур-дигоринского говора. – Орджоникидзе, 1962. (Отдельный оттиск из "Известий СОНИИ". – Т. 23. – Вып.1).
10. Цаллагова И. Н. К проблеме адаптации русских заимствований в современных говорах дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/108-9091> (дата обращения: 07.05.2013).

Рецензенты:

Гацалова Л. Б., д.ф.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Парсиева Л. К., д.ф.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.